

## ОСТАВАЯСЬ «ДРАМАТУРГОМ ЖИЗНИ»

С темой интервью, которое редакция запланировала взять у Михаила Бренера, вроде бы уже имелась полная ясность, когда от него раздался внезапный звонок. Давно знакомый архитектор слегка обескуражил: «А давайте еще поговорим вот о чем», — и дальше выдал строфу:

**«Маршак сказал однажды так,  
Как мог сказать один Маршак:  
— Я переводчик на Руси  
И словом дорожу.  
Но я в отличие от такси  
Не всех перевожу».**

Вообще-то это из стихов Якова Козловского, ко всему прочему известного тем, что благодаря его переводческому таланту начал свой творческий путь Расул Гамзатов. Это еще Веллер остроумно описал в одном из своих рассказов. Подумалось, правда: как это связано с архитектурой? Ну да, жена у Бренера — Ирина Михайлова, филолог и достаточно известный литературный переводчик, а в этом творческом цеху Самуил Маршак является общепризнанным классиком. Неужто следом за ней и герой ряда наших прошлых публикаций, да еще и на пике основной карьеры надумал попробовать себя на новом поприще? Так зародилась интрига, и со-



Архитектор  
Сергей Михайлов

хранялась она вплоть до нашей встречи в мастерской на Пестеля. Оказалось, Михаил Яковлевич имел в виду совсем другое, и ключевые слова в приведенной им цитате — «не всех перевожу». По мнению нашего собеседника, зодчие наделены особенной, предельно ответственной общественной миссией.

Им доверено работать никак не «декораторами» и даже не «сценаристами», а «драматургами жизни». Своими идеями, облеченными в материальную форму, архитектор задает некую новую траекторию развития событий на определенном пространстве. Насколько пози-

тивно или, наоборот, негативно скажется такое влияние на судьбах и дальнейших взаимоотношениях живущих и работающих там людей, зависит не только от меры таланта, мастерства и прозорливости автора. Зачастую тот ясно видит, как все должно выглядеть, и знает, как это наилучшим образом воплотить, и рад бы, но... Когда заказчик остается глух к аргументации представителя архитектурной профессии, а поиски компромиссов становятся бесконечными либо вообще заходят в тупик, Бренер обычно следует примеру Маршака. То есть, заявляет об отсутствии у себя «профессиональной всеядности».

**— Что, так и уходите, в сердцах хлопнув дверью?**

**— Нет, предпочитаю расставаться в рамках цивилизованных приличий, «по-английски». Подобные конфликты особого оптимизма никому из архитекторов не придают, но в нашем деле, к сожалению, неизбежны. Если для тебя очевидно, что какому-то конкретному месту угрожает очередная «градостроительная ошибка», и ты против своей воли рискуешь оказаться к ней причастным, правильнее будет дальнейшие отношения с заказчиком прекратить. Причем решаться на такие вещи приходится независимо от масштабов работы — крупный это проект или, допустим, частная постройка, за которые мы тоже время от времени беремся и которые, кстати, помогли мастерской пережить недавний кризис с минимальными потерями.**

**— А как насчет «профессионально противостоять»?**



Жилой дом на ул. Яблочкова, 13. Реализация проекта Михаила Бренера (2005 г.)

**— Это всегда делается, но далеко не всегда увенчивается победой здравого смысла и эстетического начала над голым практицизмом. Диктат заказчика, который «платит и заказывает музыку», существовал во все времена, а в наши дни ощущается все сильнее и иной раз оказывается непреодолимым. Сейчас говорят, что переломить ситуацию поможет создание архитектурных палат, но я бы не стал слишком обольщаться на сей счет. Во всяком случае, скорыми перемены не будут.**



Действительно, архитектурная мастерская — не розничный магазин или ателье индпошива, где соответственно покупатель или клиент «всегда прав». Хотя, наверное, многие беды проистекают из нежелания или неумения современных архитекторов наладить процесс «вербального общения» с внешним миром, образно и понятно объяснять природу и смысл своих решений. Буквально накануне мы обсуждали это с профессором Курбатовым. Михаил Яковлевич, в свою очередь, согласен, что проблема такая существует, и как бы убедительно ни выглядели проектные визуализации, дар красноречия автору никогда не повредит:

**— Необходимость уметь излагать свои мысли словами начинающий архитектор в полной мере осознает в ходе защиты диплома. Так было и у меня, когда я выпускался из Академии, и у сына, который не так давно закончил тот же вуз в мастерской Вячеслава Ухова.**

К слову, пояснительные материалы к проектам самого Бренера всегда читаются очень интересно, да и рассказывает он о своих работах, как правило, не стесняясь эпитетов и исторических параллелей. Что же касается сына, то, как выяснилось, за время после нашей предыдущей встречи Михаил Яковлевич у себя в мастерской успел вновь «крэзвести семейственность». Бренер-младший уже не просто пробует себя на династической стезе, но и выполняет некоторые работы в качестве ГАП. Между тем, знакомство с ним состоялось благодаря все той же теме публичности архитектурного творчества, правда, началось почти анекдотично. Глава мастерской сказал, что один из его молодых специалистов, Александр, только что вернулся из десятидневной командировки в Гамбург, откуда привез массу неизгладимых впечатлений. Одно из



Генпланист  
Мария Скворцова

них связано с тем, как там поставлено дело по ознакомлению общественности с городскими проектами строительства. В этом отношении нам у немцев все еще есть чему поучиться. Например, прямо в центре города для этого организована общедоступная выставочная площадка,

**Некоторые жилые проекты в новых районах города и на территории Ленинградской области: пр. Луначарского, 40; пр. Энгельса, 50 (2000 г., совместно с АМ Апостола); пр. Луначарского, 80 (2002 г., М. Бренер и С. Рязанцев); г. Всеволожск (МКРН. «Южный» — оба здания); здание по оси Варшавской ул. (2004–05 гг., М. Бренер, В. Жуков, П. Юшканцев)**





В. И. Сенчуков с учениками

экспонатами которой являются работы местных архитекторов. Таким образом горожане всегда оказываются в курсе предстоящих градостроительных перемен.

Новый участник разговора все это охотно подтвердил, а на вопрос, давно ли сам знаком с Михаилом Яковлевичем, ответил после небольшой паузы, сопровождавшейся недоуменным



взглядом: «...Да вообще-то с рождения». Бренер-старший, чтобы снять неловкость создавшегося положения, пояснил: «Сын». Так же, как и отец, тот начал восхождение к профессии в архитектурном классе художественной школы им. Б. В. Иогансона РАХ, с той лишь разницей, что во второй половине двадцатого века она называлась «СХШ», а теперь именуется лицеем. Даже преподавал у них один и тот же человек — Владислав Иванович Сенчуков. Учителю уже перевалило за девяносто, но он и сейчас сеет разумное, доброе, вечное в душах и умах будущих зодчих, периодически бывает в гостях у своих воспитанников, живо интересуется, как складываются у них дела.

Одновременно с Александром в мастерскую пришла на работу Наталья Семенкова. Заканчивая архитектурный факультет СПб ГАСУ, она проходила здесь преддипломную практику и пришла, что называется, ко двору. Получается, Бренеру в настоящий момент приходится иметь дело со свежеспеченными продуктами двух фундаментально разных, как считается, школ «кадрового резерва», призванного по-прежнему профессиональное сообщество петербургских зодчих. Каждой присущи свои достоинства: на архитектурном факультете института им. И. Е. Репина упор традиционно делается на эстетико-художественном начале, в бывшем ЛИСИ — на инженерно-техническом.

В нынешнем проектом процессе одно не может существовать без другого, и руководителю приходится учитывать особенностями базовой подготовки своих новых сотрудников. Стоит добавить, что с недавних пор интерьерными разделами в составе некоторых тем, причем также после практики, занимается выпускник Мухинского училища Павел Панкратов.



Экономист  
Ольга Богданова

Таким образом, мастерская Бренера благодаря стечению обстоятельств собралась под одной крышей выпускников сразу трех творческих вузов Петербурга. При относительно небольшой численности сотрудников (в зависимости от проекта, 14-17 специалистов), это внушает всяческое уважение. В излишней благотворительности Михаила Яковлевича подозревать не нужно. Просто он умеет находить варианты обеспечения людей работой и соблюдения очень даже капиталистического принципа «от каждого по способностям, каждому по труду».

Сегодня это далеко не просто: в силу объективного сокращения объемов проектирования конкуренция ужесточилась. Отношения как вне, так и внутри коллектива приходится выстраивать гибко. Выручает складывавшаяся годами устойчивая репутация коллектива в совокупности с наработанными связями и дипломатическими усилиями его руководителя. Несколько поменялась в последнее время и схема организации работы мастерской. Некоторые сотрудники задействованы в удаленном режиме. Используя виртуальные технологии проектирования и возможности скоростного Internet, они регулярно общаются с офисом, что не вредит ни срокам, ни качеству.

Молодым людям проблемы наполнения портфеля заказов пока что не знакомы. Зато сами они с готовностью и интересом перенимают друг у друга полезные для дела знания и навыки, не говоря уж о том, что почитают за честь поучиться у своего шефа и остальных старших коллег. Вот и Наташа уверена:

— Некоторые вещи — к примеру, методику того, как правильно и с пользой для дела выстроить диалог с заказчиком, — нигде специально не преподают. И ее, и целый ряд важных для работы приемов можно постичь, лишь решая практические задачи.

Справедливо и другое: профессиональное становление «под крылом» зрелого мастера дорогого стоит. В нашем случае его присмотр яв-

Проекты общественных зданий: административный корпус завода «Компрессор» (концепция реконструкции); БЦ на наб. реки Карповки; БЦ на ул. Одоевского; здание ТРЦ «Миллер-центр» на Комендантском пр. (экстерьер и интерьер)



Частные дома в ближайших пригородах Петербурга, спроектированные мастерской Михаила Бренера

ляется еще и отеческим, частично в переносном смысле, частично — в прямом. Вчерашние студенты это прекрасно осознают и с благодарностью воспринимают возможность трудиться бок о бок с большим питерским архитектором.

Продолжая вскользь затронутую «семейную» линию нашего разговора, Бренер увлекает откуда-то со стеллажей книгу морских рассказов известного прозаика из Нидерландов Маартена Бисхевела. Она вышла пару лет назад в переводе Ирины Михайловой и к тому же под обложкой, которую в порядке хобби разработал ее муж. Там изображен одинокий велосипед на фоне песчаного пляжа, заката и уходящего вдаль холодного моря. Соотечественникам автора понравилось, как было оформлено издание, и насколько точно в этом аллегорическом пейзаже фотограф-художник передал настроение Бисхевела. Единственное сомнение у них осталось: голландский ли это велосипед? Архитектор признается:

— По правде говоря, он финский. В свое время мы купили это средство передвижения для загородных прогулок, а потом, как видите, оно еще и пригодилось для построения фотоколлажа.

Такое лирическое отступление сделано отнюдь не в связи с начавшимся Годом Голландии.

В одной из предыдущих статей мы взяли на себя смелость, не спросив у самого Михаила Бренера, отнести его к приверженцам северо-европейских традиций в архитектуре, в том числе скандинавских и голландских. Потом уже стало выясняться: в этом предположении нет никакой ошибки: он, действительно, любит и знает творчество зодчих из этих географически близких нам стран, считая, что эти мотивы как нельзя уместны в нашем городе. Если повнимательнее присмотреться к постройкам Михаила Бренера разных лет, легко заметить, что большинство из них, несмотря на разницу в функциональном назначении и объемно-планировочных решениях, обязательно несет на себе неуловимый отпечаток чего-то северного. А книжная обложка? Это так, случайный, но, опять же, точно выполненный штрих.

Коллеги по мастерской, во всяком случае, молодые, считают Михаила Яковлевича человеком в общении мягким, но когда необходимо, строгим. В архитектурном деле, хоть по глубинной сути оно всегда будет оставаться искусством, без требовательности, а то и жесткости, вероятно, не обойтись. Между делом, захотелось спросить у самого нашего героя: правда ли, что людям его профессии обязательно присущ некий эгоцентризм?

— Думаю, да. Без стремления оставить свой след и не где-то на обочине жизни, а в истории, что само по себе предполагает присутствие здорового авторского самолюбия, архитектор утрачивает свою творческую индивидуальность. Не случайно ведь с появлением возможности создавать персональные мастерские я, как и многие мои коллеги, решил ее реализовать. Ведь, что ни говорите, в крупных институтах, где большинство из нас на тот момент работало, твой вклад в преобразование окружающего пространства оставался обезличенным.

Наш коллектив образовался в 1995-м году и с тех самых пор занимается архитектурным проектированием, надеюсь, во благо родного города. Работа идет в основном успешно, хотя в период кризиса были моменты, когда мы оказывались на грани выживания. Но так было не у нас одних, а практически у всех. И поверьте, справляться с трудностями тоже помогает эгоцентризм. Он подразумевает, кроме всего прочего, ответственность за людей, которые трудятся рядом с тобой, а также за все свои и их решения. Вот и получается, что мы заканчиваем тем, с чего, собственно, и начинали наш разговор.

Из графических материалов к проекту начальной школы на 300 учащихся с двумя бассейнами (СПб, пр. Композиторов, ар. М. и А. Бренеры, ГИП Н. Павлова)

